

Н.В. Федорова

*Ямало-Ненецкий окружной музейно-выставочный комплекс им. И.С. Шемановского
ул. Чубынина, 38, Салехард, 629008, Россия
E-mail: mvk-fedorova@mail.ru*

СЕРЕБРЯНОЕ БЛЮДО СО СЦЕНАМИ БОРЬБЫ ИЗ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

Цель статьи – ввести в научный оборот находку в виде серебряного блюда со сценами борьбы, входившее в составклада серебряных вещей, обнаруженного в Нижнем Приобье. В статье анализируются общая композиция изделия, иконография его отдельных элементов. Определяются дата предмета (XII–XIII вв.), а также его атрибуция в контексте становления центров серебрделия на северо-востоке Европы: в Прикамье и Пермском Предуралье.

Ключевые слова: торевтика, предгосударственные образования, Предуралье, Верхнее Прикамье, Волжская Болгария, сцена борьбы, раннебулгарские блюда, художественные приемы, центральный медальон, антропоморфные персонажи.

Введение

Одна из наиболее дискуссионных проблем в средневековой истории «вокруг Волжской Болгарии» – становление в государственных и предгосударственных центрах собственного серебрделия, выделение и атрибуция отдельных школ художественного металла. К настоящему времени издано более десятка различных работ, связанных в основном с публикацией материала, но до создания общей картины пока далеко. Работа в этом направлении затруднена, в частности, тем, что многие предметы, попадающие в поле зрения ученых, найдены за пределами региона, их художественный стиль не является чем-то законченным и однозначно узнаваемым. Инокультурные влияния, следование различным образцам, отражение в сюжетах неизвестных мировоззренческих представлений или эпоса, наконец, необходимость соответствовать вкусам и требованиям определенного заказчика обусловили появление произведений искусства, которые наряду с признаками, характерными для продукции развитого (городского?) центра, имеют своеобразный декор. За последние годы удалось более или менее определиться с выделением признаков болгарских домонгольских центров торевтики и уральско-венгерского серебра [Федорова, 2003, с. 138–147]. Необходи-

димо, однако, отметить, что атрибуция этих центров признается не всеми исследователями. Новые находки продолжают вызывать дискуссии и даже сомнения в подлинности. Поэтому столь важным представляется изучение и публикация каждого изделия, независимо от того, как оно стало известно профессионалам.

Серебряное блюдо со сценами борьбы было случайно найдено на территории Нижнего Приобья в пределах Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО) в 2009 г. Насколько нам известно, оно относится к комплексу вещей (датируются от IX до XII–XIII в.), который включает также три серебряные бляхи с изображениями антропоморфных фигур и всадника, гривны т.н. глазовского типа, гроздевидные височные подвески и другие вещи. Комплекс, по-видимому, представлял собой преднамеренно запрятанный клад; при обследовании места его обнаружения следов культурного слоя или могильника не обнаружено*. Некоторые вещи из комплекса (семь серебряных гроздевидных подвесок, гривна т.н. глазовского типа и круглая серебряная бляха с изображением всадника) поступили в фонды Ямало-Ненецкого окружного краеведческого музея.

*Пользуюсь случаем поблагодарить Д.Н. Кузнецова за предоставленную возможность ввести в научный оборот блюдо из обнаруженного им клада.

Характеристика находки

Описание блюда. Блюдо круглой формы, с небольшим вертикальным бортиком и своеобразным поддоном, выполненным углублением центральной части. Ниже бортика пробито круглое отверстие. В центре углубления-поддона укреплен круглый медальон. Диаметр блюда 22 см, центрального медальона – 6 см; глубина блюда 3 см, высота поддона 0,3–0,4 см, диаметр – 3,5 см; толщина бортика блюда 0,25 см; вес 410 г.

Рис. 1. Блюдо, общий вид.

Рис. 2. Блюдо, прорисовка. Рисунок В. Могрицкой.

Блюдо изготовлено выколоткой по форме. На поверхности заметны линейные следы от инструмента, которым заглаживали поверхность. Поддон выполнен вместе с блюдом выколоткой, слегка подработан острым инструментом (резцом?). Бортик загнут вверх и по верху гладко срезан, в нижней его части прослеживаются следы подработки резцом. Центральный медальон, изготовленный выколоткой по матрице из тонкого листа серебра, на блюде укреплен с помощью какого-то мастикообразного вещества (не припаян и не приклепан). Декор вокруг центрального медальона и по бортику нанесен способом чеканки. Ход чекана напоминает зигзаг-качалку, довольно крупную. Композиция декора состоит из круглого центрального медальона, зоны окружающего его орнамента и фриза рисунков на бортике (рис. 1, 2).

В центральном медальоне (рис. 3) сцена вписана в круг: всадник на лошади (показан в профиль) с копьем поражает хищника семейства кошачьих, который изображен над крупом коня. Плечи всадника развернуты в фас, над правым – некая фигура, напоминающая птицу или развевающийся шарф. На голове наездника корона или шапка с двумя высокими зубцами и выпуклиной посередине. Одежда плохо различима, четко читаются повод коня и высокие луки седла. На ногах всадника – сапоги с каблуками, одежда, по-видимому, длинная, типа кафтана, на плечах вроде бы имеются отвороты, которыми оформлен вырез. У лошади грива и челка выстрижены зубцами, передние ноги согнуты в коленях, задние слегка подогнуты под живот. Между ногами лошади – какая-то плохо различимая фигура или предмет. Сцена оконтурена полосой орнамента в виде арабоязычной надписи. Насколько удалось различить, это достаточно стандартная благопожелательная надпись*. Детали изображения и надписи нечеткие, по-видимому, выколотка производилась на предмете, специально не предназначенном для этого, а не на подготовленной матрице.

На расстоянии 1 см от центрального медальона расположен *орнаментальный пояс*: между двумя линиями, выполненными зигзагом, вписан узор из волютообразных фигур, имитирующих растительные побеги. Перед всадником, а также сверху и снизу от него загнутые «побеги» отходят от верхней и нижней линий, ограничивающих орнаментальный пояс; между «побегами» – треугольные фигуры и штрихи. На остальной части пояса «побеги» имеют форму восьмерки. Различия в рисунке элементов орнамента на одном поясе выглядят довольно необычно.

Бортик блюда на участке от орнаментального пояса до края украшен изображениями нескольких сюжетов (см. рис. 1, 2, 4). Над головой всадника, запечат-

*Сообщение сотрудника отдела Востока Государственного Эрмитажа А.Н. Притула.

ленного в центральном медальоне, – сцена борьбы двух фантастических животных. У них удлинённые головы и разинутые пасти, высунутые языки, уши треугольные, стоячие, длинные шеи расчерчены полукругами, по верху шеи показаны «стоячие» гривы. На груди обоих животных изображена крестообразная фигура. У правого от зрителя полукругами оформлен круп, у левого – зад. Передними лапами звери когтят друг друга, их хвосты загнуты к спине. Под фигурой одного из животных показаны предметы: один круглой формы, второй в виде прямого отрезка. Далее по часовой стрелке – небольшое животное (собака?), обращенное головой к борющимся зверям. У животного треугольные стоячие уши, пасть разинута, язык высунут, хвост поднят вверх. За ним изображены два антропоморфных персонажа, как будто сидящие друг против друга, между ними находится предмет, напоминающий небольшой столик с двумя ножками и треугольным верхом. Персонажи – один левой рукой, другой правой – держатся за рог. В правой руке первого – некий петлеобразно изогнутый предмет (возможно, плеть), у второго рука уперта в бок. У обеих фигур полукругами передана «скелетная» структура, от подбородка до середины туловища тянется вертикальная линия, ноги согнуты в коленях. Черты лица обоих персонажей трактованы очень схематично, у левого от зрителя изображены уши.

Далее следует фигура крупного фантастического животного, над которым изображен зооморфный персонаж – «змей». По форме туловища и абрису головы фантастическое животное аналогично двум показанным над головой всадника борющимся зверям. У него такие же закинутый на спину хвост и когтистые лапы, рисунок передних передает агрессию по отношению к следующей группе антропоморфных персонажей. У животного полукругами заштрихованы все туловище и шея, на бедре задней ноги в округлом картуше заметны следы черни. Зооморфное существо, изображенное над спиной зверя, головой ориентировано к предыдущим антропоморфным персонажам, держащими рог. У «змея» длинное туловище, сплошь заштрихованное зубчатой качалкой, очень крупная голова и открытая пасть, отсутствуют лапы. На спине – четыре вертикальных штриха. «Змей» изображен

Рис. 3. Блюдо, центральный медальон.

Рис. 4. Фигуры воинов с оружием.

вроде бы в перевернутом по отношению к сценам положении, т.е. спиной к фантастическому зверю.

Следующая сцена: два антропоморфных персонажа стоят около предмета, напоминающего треногий стол с плоским верхом (см. рис. 2, 4). Левый от зрителя персонаж в коническом шлеме в поднятых руках держит топор и, по-видимому, маленький круглый щит (?). У правого в поднятой правой руке – меч, левой опущенной рукой он прижимает к себе копье с флажком, расположенным ниже наконечника. У обоих персонажей «скелетная» структура туловища, от подбородка или верха туловища до талии тянется вертикальная линия, показаны признаки мужского пола. Все изображения на блюде выполнены зубчатым зигзагом.

Можно предположить, что описанные сцены – эпизоды некоего сюжета, действующими лицами которого являются два воина и несколько зооморфных персонажей: собака (?), фантастические животные – кони

или хищники семейства кошачьих, «змей». Тогда для потребителя (заказчика блюда?), судя по пробитому в бортике отверстию, начальным было изображение двух антропоморфных персонажей, которые держат в руках оружие, но не пускают его в ход, а только демонстрируют свои возможности. Далее – сцены борьбы зверей и нападения зверя на вооруженных воинов. Завершающим представляется изображение тех же (?) антропоморфных персонажей с рогом, которое с известной долей осторожности можно интерпретировать как сцену пира. Левый от зрителя персонаж, по-видимому, неслучайно показан уже без шлема, он как будто подчеркивает мирный характер встречи.

По изображениям на бортике декор блюда не имеет полных аналогов. Очевидно, что декор центрального медальона и остальных частей блюда различен по происхождению. Поэтому находка рассматривается в нескольких аспектах: техника изготовления, сюжеты и способы их передачи, дата отдельных атрибутов, некоторые элементы иконографии.

Округлая форма блюда с вертикальным бортиком довольно обычна для средневекового сереброделия. Такой особенностью, как небольшой поддон, выполненный углублением в центре блюда, обладает серебряная чаша с изображениями птиц, зверей и человека, обнаруженная до 1908 г. в районе Сосьвинского Городка и хранящаяся в Государственном Эрмитаже [Сокровища Приобья, 1996, с. 90–91]. Чаша атрибутирована как изделие мастеров волжско-болгарского круга, изготовленное ок. X–XI вв.

Центральный медальон прикреплен в углублении поддона с помощью мастики. Использование такого способа исследователями до сих пор не отмечалось. Обычно отдельные фигуры или весь медальон крепился с помощью заклепок (см., например: [Даркевич, 1976, с. 61; Тревер, Луконин, 1987, с. 112; Угорское наследие..., 1994, с. 125]). Так, медальон припаян в центре серебряной чаши с изображением аллегорической фигуры с веслом и чудовища [Сокровища Приобья, 1996, с. 162]. Чаша атрибутирована Б.М. Маршаком как изделие сирийских мастеров XII в., из всей группы аналогичных сосудов только на ней зафиксирован «накладной медальон» [Там же]. Отметим, что чаша входила в состав Ямгортскогоклада, обнаруженного в 1946 г. на берегу р. Сыни в Шурышкарском р-не ЯНАО [Сынские ханты, 2005, с. 14]. Центральный медальон, выполненный выколоткой по матрице и по декору отличающийся от собственно блюда, имеется на блюде с изображением сокольника [Сокровища Приобья, 1996, с. 100–101] и на блюде с фигурами двух львов [Там же, с. 96–97]. Первое обнаружено при раскопках Кинтусовского могильника в Среднем Приобье и атрибутировано как изделие мастеров Верхнего Прикамья XI–XIII вв., второе найдено при исследовании культур-

ного слоя святилища на Барсовой Горе и считается продукцией одного из волжско-болгарских центров XIII в. Вероятно, оба медальона не припаяны, а прикреплены в центре блюд с помощью мастики.

Изобразительные приемы

Узор, который сделан чеканом, оставляющим след в виде зубчатой качалки, довольно часто выступает элементом орнаментации изделий. По мнению Т.И. Макаровой, зигзаг является «самым распространенным следом гравировки на черневых украшениях Древней Руси» [1986, с. 10]. Он выполняется резцом различных размеров с прямоугольной режущей поверхностью, который в XIX в. назывался фляхштихелем [Там же]. На русских изделиях с чернью XI–XIII вв. такой зигзаг в качестве бордюра окаймляет основной сюжет или орнамент, иногда он заполняет какие-то элементы рисунка, например, крылья птиц (см.: [Там же, рис. на с. 9, 11, 55, 67; и др.]). На русских изделиях главный рисунок наносился точечной чеканкой и дополнялся чернью. В качестве декоративного (не основного) этот прием использовался и западноевропейскими мастерами. Например, такая качалка разделяет гриву льва, изображенного на внутренней поверхности крышки чаши второй половины XII в. [Сокровища Приобья, 1996, с. 71]. Этим же приемом выполнен орнамент вокруг центрального медальона крышки.

Известна серия серебряных вещей, по происхождению связанных с центрами территории «вокруг Волжской Болгарии», на которых зигзаг выступает ведущим элементом декора. Примерами являются фрагмент серебряного перстня из Эсского могильника (комплекс датируется XV–XVI вв.) [Югорск..., 1997, с. 53], очелье из погр. 195 могильника Усть-Балык в Сургутском Приобье (по мнению В.И. Семеновой, относится к XIII–XIV вв. [2001, с. 80]). Зигзагами разделан фон известной бляхи с изображением всадника с мечом из погр. 124 Ыджыдзельского могильника в бассейне р. Вымь, относящейся к XII в. [Савельева, 1987, рис. 32]. Зигзагом выполнен декор на круглой бляшке с изображением двух всадников на лошади, обнаруженной в 2000 г. в верховьях р. Сыни в составе прикладов из сундука местного шамана и датируемой X–XI вв. [Бауло, 2004, с. 54–57, 141, фото 32].

В Прикамье данный прием как основной при выполнении декора нашел отражение на изделиях ломоватовского времени (V–IX вв.), преимущественно на пластинчатых браслетах [Голдина, Кананин, 1989, рис. 46]. Интересно, что в этом регионе, несмотря на общий упадок художественных ремесел в XVI в., некоторые традиции декорирования сохранились надолго. Так, орнаментом, выполненным

зигзагом, украшены пластинчатые браслеты XVI–XVII вв. из Удмуртского Прикамья [Шутова, 1992, с. 220]. Крупным зигзагом-качалкой орнаментирована погребальная серебряная маска из случайных находок в Прикамье*. Погребальные маски Прикамья – отдельный сюжет, их обычно рассматривают с точки зрения этнической или культурной идентификации погребений (см., например: [Казаков, 2007, с. 24; Белавин, 2008, с. 14]). В данном случае уместно обратить внимание на эти артефакты как еще на одну категорию прикамского среброделия. Тем более, что некоторые маски представляют достаточно сложную технику изготовления с применением чеканки и даже черни [Белавин, Крыласова, 2008, с. 478].

В фондах Ямало-Ненецкого окружного музейно-выставочного комплекса им. И.С. Шемановского хранится серия серебряных щитков для защиты руки от тетивы. Декор на одном из них, пока, к сожалению, неопубликованном, нанесен в основном чеканом в виде зигзага. На изделии, украшенном парным изображением рыб, зигзагом заполнены компартименты плетенки. Эта серия вещей ранее датировалась XIII–XIV вв. [Федорова, 2003, с. 144], а ее происхождение связывалось с одним из центров в Верхнем Прикамье. Не исключено, что благодаря новым данным границы временной принадлежности этой серии будут расширены до XV–XVI вв.

Таким образом, нанесение декора с помощью резца, который оставлял след в виде крупного зигзага-качалки, было характерно для мастеров-ювелиров Верхнего Прикамья. С помощью этого приема украшались самые различные предметы с ломоватовского времени и до XVI в.

Манера расчерчивать туловище зооморфного персонажа «клетками», полукружиями или прямыми линиями известна со скифской эпохи, достаточно далекой от времени создания рассматриваемого блюда (см., например, тагарские наскальные изображения: [Советова, 2005, рис. на с. 114–115]). Произведения торевтики последующих (гуннского и тюркского) периодов не имеют ничего общего с блюдом ни по форме, ни по художественному решению декора (см., например: [Король, 2008; Marschak, 1986]).

Определенно «варварские» [Маршак, 1973, с. 21] черты декора блюда заставляют обратиться к аналогам из средневековых центров Восточной Европы. В декоре упоминавшейся выше чаши из Сосьвинского Городка [Сокровища Приобья, 1996, с. 90–91] обращает на себя внимание специфический рисунок верхних частей туловища птиц и фантастического зверя – они заполнены полукружиями. Так же орнаментирована

антропоморфная фигура. Фантастические звери с закинутыми на спину хвостами, когтистыми лапами и высунутыми языками по трактовке напоминают зверей, изображенных на блюде.

Орнамент в виде волутообразных растительных побегов выполнен на серебряном щитке XII–XIII вв. из Сайгатинского святилища [Угорское наследие..., 1994, с. 114]. Находка атрибутирована как произведение мастеров волжско-болгарского центра. Медальон уже упоминавшегося Кинтусовского блюда с сокольничьим окружен таким же орнаментом [Сокровища Приобья, 1996, с. 111]. Лишь на группе болгарских блюд прослеживаются «сбои» в изображении орнамента вокруг центрального медальона: незавершенная линия, очерчивающая медальон с внешней стороны (блюдо со львами: [Сокровища Приобья..., 2003, с. 60]), следы перебивки фриза двучастной плетенки двойным зигзагом (блюдо с изображением человека и животных: [Там же, с. 58]).

Атрибуты антропоморфных персонажей

Рог. В Верхнем Прикамье, на северо-востоке Европы (Республика Коми) и севере Западной Сибири обнаружено несколько десятков т.н. блях с сокольничьим, датируемых XIII–XIV вв. На них изображен в фас всадник на коне с хищной птицей (сокол) на сгибе руки, как правило, в окружении зверей и птиц. На большинстве блях всадник показан с рогом в руке (см.: [Белавин, 2000, с. 92]). Известны три серебряные фигурки «перунчиков», которые также держат в руке рог; они датируются XII–XIII вв. [Там же, с. 151–152]. Их происхождение не совсем ясно, но вполне оправданным представляется мнение А.М. Белавина о прикамских корнях данных изделий [Там же]. В Западной Сибири этот атрибут сохраняется до этнографического времени: человек с рогом изображен на перстне из Эсского могильника, в XIX–XX вв. конные персонажи с рогом в руке украшали жертвенные покрывала манси и северных хантов [Гемуев, Бауло, 2001, с. 127]. В погребениях поздних могильников в Нижнем Приобье обнаружены медные рога, некоторые из них служили вложением в фигуру духа-покровителя. В XIX в. рога использовались в качестве табакерок [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 61]. В наши дни атрибутами одного из самых популярных божеств угорского пантеона – Мир-Сусне-Хума («За народом смотрящий человек») – считаются бутылка водки в одной руке и табакерка с табаком в другой.

Щит. Целые щиты в археологических комплексах не встречаются, т.к. они изготавливались из органических материалов – кожи, прутьев и т.д. [Соловьев, 2003, с. 163]. Более известны металлические украшения щитов – скрепы, бляхи, умбоны. Если изображен

*Благодарю Н.Б. Крыласову за предоставленную информацию о масках, найденных не в ходе профессиональных раскопок.

ный на блюде круглый предмет, перечеркнутый прямым крестом, в руке одного из персонажей является щитом, то он был очень небольших размеров. Возникает вопрос: не щит ли лежит под ногами одного из фантастических хищников в сцене борьбы зверей? В этой связи интересно рассмотреть среднеазиатское блюдо VII в., найденное в д. Кулагыш Пермского края до 1908 г. [Marschak, 1986, S. 285, III. 198]. На блюде изображена сцена борьбы двух воинов, в руках которых лук и копьё, под ногами сражающихся лежат, очевидно, вышедшие из строя во время боя топоры, обломки мечей и два небольших круглых щита. Б.И. Маршак, сопоставив этот сюжет со сценами, запечатленными в живописи Пенджикента, рассматривал его как иллюстрацию к неизвестному эпосу [Ibid.].

На миниатюре рукописи XIV в., хранящейся в Британском музее, два сражающихся воина в левой руке держат маленькие круглые щиты. По мнению В.П. Даркевич, это «круглые щиты-тарчи, которыми рыцари пользовались только на играх и состязаниях (выделено нами. – Н.Ф.)» [1988, с. 101].

Копье с флажком. Наконечники копий в археологических комплексах встречаются достаточно часто и в широком географическом диапазоне, хотя, конечно, они более характерны для комплексов степной и лесостепной зон. Изображение воина с длинным копьем, ниже наконечника которого показан флажок, имеется на Сулекской писанице (конец I тыс. н.э.) [Степи Евразии..., 1981, с. 126]. Длинные копья с украшением в виде подвески, расположенной ниже наконечника, держат в руках тяжеловооруженные тюркские воины на петроглифах Аршан-Хад в Монголии (по: [Соловьев, 2003, с. 138]). Отметим, что фигуры коней этих воинов заштрихованы прямоугольниками, которые, по мнению исследователей, символизируют панцирную защиту. В работе, посвященной исследованию копий со втоками у древних тюрков, Г.В. Кубарев отмечает различия в применении их конными и пешими воинами [2008]. Для нашего сюжета важно замечание исследователя, касающееся массивных и длинных «пехотных» копий: «Такие копья были снабжены заостренными втоками и в случае необходимости могли быть воткнуты или уперты в землю. Очевидно, именно на такие длинные и с втоками копья крепились боевые знамена» [Там же, с. 239]. Среди раннесредневековых петроглифов Алтая встречаются изображения копий, аналогичных показанным на блюде [Там же, рис. 1, 2 на с. 237]. Интересно, что на обсуждаемом блюде один из воинов держит в руках топор и щит, а второй – копьё и саблю. Таким образом подчеркивается или скорее декларируется различие наборов вооружения.

Сабля или палаш. К сожалению, все предметы вооружения воинов изображены достаточно схематично. Можно рассмотреть, что один из персонажей держит

в руке какое-то клинковое оружие либо недлинную, слабо изогнутую саблю, либо палаш со слегка расширенным концом.

Шлем. Изображен крайне схематично. Ясно лишь, что шлем имел сфероконическую форму. Как отмечает А.И. Соловьев, «подобные шлемы в эпоху средневековья распространились на огромных территориях от Дальнего Востока до Киевской Руси» [2003, с. 188].

Топор. Боевой топор с расширенным лезвием и длинной выступающей рукояткой имеет аналоги среди материалов одного из могильников времени викингов на о-ве Готланд [Die Wikingerzeit Gotlands..., 1995, III. 30]. Подобные боевые топоры найдены в Новгороде [Колчин, 1959, с. 26], на северо-востоке Европы [Савельева, 1987, с. 48]; все они датируются XII–XIII вв. На знаменитом гобелене из Байо с изображениями эпизодов завоевания Англии норманнами короля Вильгельма (1077 г.) подобными топорами вооружены побежденные [Vikings..., 2000, p. 122]. Отметим, что на всех участниках сражения невысокие конические шлемы.

«Столики». Предметы, напоминающие небольшие столики между парами воинов, по-видимому, имеют большое значение для сюжета. Аналоги им пока не найдены. Отметим, что по форме «столики» разные: в сцене с двумя вооруженными воинами показан треногий «столик», в сцене с «пирующими» воинами он с двумя ногами, но на месте столешницы нарисован треугольник, кроме того, этот «столик» меньше и как бы удален за линию, на которой находятся участники «пира».

Анализ некоторых элементов иконографии

Представляется очевидным, что центральный медальон чеканился мастером по иранскому или среднеазиатскому образцу. Изображение на медальоне восходит, очевидно, к сценам богатырской охоты сасанидских царей, но отличается от них тем, что всадник запечатлен с копьем, тогда как на сасанидских блюдах в сценах охоты чаще показан меч или лук [Тревер, Луконин, 1987, рис. 7–28]. На бронзовом хорасанском зеркале первой половины XI в. из собрания Государственного Эрмитажа изображен всадник с копьем в окружении зверей, среди которых – небольшой хищник семейства кошачьих, показанный над крупом коня [Искусство Средней Азии..., 1980, рис. 169, 170]. На голове всадника корона «а ля Сасаниды», вокруг медальона сделана куфическая благопожелательная надпись. Аналогичный сюжет изображен на стеклянном медальоне XI в. из Термеза [Там же, рис. 101]. Иконографически конь на медальоне почти идентичен коню на центральном медальоне блюда, на голове всадника также имеется головной убор в виде двурогой шапки с

круглым выступом посередине. В похожих головных уборах показаны персонажи, стоящие по бокам от трона царя на восточно-иранском блюде XI в. [Сокровища Приобья, 1996, с. 125]. Б.И. Маршак отмечал, что такие шапки носили в XI–XII вв. придворные династии Газневидов [Там же]. Для мастера, изготовившего блюдо, матрицей послужило, по-видимому, зеркало или иной небольшой предмет среднеазиатского или восточно-иранского происхождения XI–XII вв.

При анализе иконографии персонажей и общей композиции сцен, запечатленных на бортике блюда, обращают на себя внимание некоторые элементы изображения воинов. Так, у всех четырех воинов обозначены «скелетная» структура туловища, т.н. линия жизни (тянется от головы вниз) и у стоящих воинов – признак пола. Эти характерные черты иконографии встречаются на литых и гравированных изображениях антропоморфных персонажей Предуралья и Западной Сибири, а также в декоре серебряных блюд «раннебулгарской» группы [Федорова, 2003, с. 140]. Учитывая данные особенности, Б.И. Маршак допускал возможность отнесения группы серебряных блюд к продукции Волжской Болгарии [1973, с. 87–90]. В сцене с оружием стоящие воины показаны в естественной позе, сидящие персонажи мастеру было трудно и непривычно изобразить, поэтому нижняя часть фигур выглядит гораздо менее естественной, чем верхняя, что опять заставляет вспомнить иконографию литых, гравированных, вычеканенных на серебряных блюдах и бляхах антропоморфных фигур Предуральско-Западносибирского круга – эти персонажи всегда показаны в положении стоя и в фас. Изображения людей в петроглифах тюркского времени и на более поздних рисунках салтово-маяцкой культуры иконографически достаточно сильно отличаются от фигур воинов на блюде; первые чаще всего представляют всадников, сидящих в профиль к зрителю, хотя иногда и с развернутыми в фас плечами [Степи Евразии..., 1981, с. 126, 164].

Выводы

Однозначно ответить на ряд важных вопросов: являются воины с оружием и «воины» с рогом одними и теми же персонажами или нет, какие животные запечатлены в сценах борьбы – боевые кони, хищники семейства кошачьих, являются ли все эти сцены иллюстрацией одного сюжета, мог ли мастер изобразить на блюде сцену с участием воинов разных народов, например, конников степи или лесостепи и пеших северных воинов, – пока, к сожалению, невозможно. Учитывая отверстие в бортике блюда, возможно предположить, что для заказчика начальной была сцена с двумя вооруженными воинами, а остальные развива-

ли сюжет. В таком случае два персонажа, держащие в руках один рог, символизируют благополучное завершение борьбы или, скорее, турнира.

Больше оснований имеется для решения вопросов о месте и времени изготовления блюда. Его аналогии по форме, размерам и некоторым специфическим признакам иконографии персонажей имеются в группе т.н. раннебулгарских серебряных блюд. Группу составляют округлые блюда с невысоким вертикальным бортиком, достаточно массивные (диаметр от 20 до 30 см), с декором, нанесенным без применения черни [Федорова, 2003, с. 140]. Еще одна важная черта – у некоторых персонажей на блюдах обозначена «линия жизни». Можно отметить также несоразмерно большие головы у антропоморфных существ. Все изделия указанной группы изготовлены по среднеазиатским и иранским образцам VIII–XI вв. Каждый из отмеченных признаков в отдельности, возможно, не является определяющим, но в совокупности они позволяют предположить, что блюда изготавливались в неких общих центрах.

Блюдо со сценами борьбы, возможно, было сделано в каком-то центре, близком к Волжской Болгарии или к предгосударственным образованиям Верхнего Прикамья ок. XII–XIII вв. Атрибуция серебряных сосудов, изготовленных в «период сложения раннефеодальных государств в Восточной и Средней Европе», сопряжена с немалыми трудностями [Даркевич, 1976, с. 167]. «Большинство населения раннесредневековой Европы жило в относительной изоляции, – пишет В.П. Даркевич, – контакты между областями и населенными пунктами были нерегулярны и довольно поверхностны. Отсюда сильная стилистическая дифференциация в искусстве IX–X вв. Органичного и единого процесса развития не было и в торевтике, которая представляет собой совокупность обособленных миров» [Там же]. Исследователь отмечает, на наш взгляд, вполне справедливо, синкретизм стиля торевтики IX–X вв. – времени «миграции» орнаментальных мотивов и создания «вещей-гибридов» [Там же]. Блюдо со сценами борьбы создавалось в более поздний период, но при его изучении необходимо учитывать наблюдения В.П. Даркевич о синкретизме стиля и создании «вещей-гибридов». С нашей точки зрения, исследователь несколько преувеличивает изоляцию отдельных областей друг от друга в период сложения раннефеодальных государств в Восточной Европе: та же самая Волжская Болгария с начала своего существования активно контактировала как с исламским миром, так и со своим финно-угорским окружением. Благодаря этому, а также торговым связям болгарских купцов, вероятно, формировались собственные центры художественного сереброредия. В начале деятельности центров в их продукции, несмотря на следование одному кругу образцов и единой технологии,

проявлялись различия в подходах к сюжетам и иконографии персонажей. С течением времени изделия этих (или сменивших их) центров становились все более сходными по стилю, разнообразными по ассортименту предметов, массовыми.

Список литературы

- Бауло А.В.** Атрибутика и миф: Металл в обрядах обских угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – 157 с.
- Белавин А.М.** Камский торговый путь. Средневековое Предуралья в его экономических и этнокультурных связях. – Пермь: Изд-во Перм. гос. ун-та, 2000. – 200 с.
- Белавин А.М.** Погребальный обряд средневековых археологических культур Предуралья как этномаркер // Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. – Вып. VI. – С. 7–16.
- Белавин А.М., Крыласова Н.Б.** Древняя Афула: археологический комплекс в с. Рождественск. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2008. – 603 с.
- Гемуев И.Н., Бауло А.В.** Небесный всадник: Жертвенные покрывала манси и хантов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 160 с.
- Голдина Р.Д., Кананин В.А.** Средневековые памятники верховьев Камы. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1989. – 216 с.
- Даркевич В.П.** Художественный металл Востока VIII–XII вв. Произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 195 с.
- Даркевич В.П.** Народная культура средневековья. Светская праздничная жизнь в искусстве IX–XVI вв. – М.: Наука, 1988. – 342 с.
- Искусство Средней Азии** эпохи Авиценны. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 250 с.
- Казаков Е.П.** Волжские болгары, угры и финны в IX–XIV вв.: проблемы взаимодействия. – Казань: Изд-во Ин-та ист. АН Республики Татарстан, 2007. – 208 с.
- Колчин Б.А.** Железообрабатывающее ремесло Новгорода Великого. – М.: Наука, 1959. – 248 с. – (МИА; № 65).
- Король Г.Г.** Искусство средневековых кочевников Евразии: очерки. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – 332 с.
- Кубарев Г.В.** Копья с втоками у древних тюрок (по раннесредневековым петроглифам Алтая) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: Ин-т археол. РАН, 2008. – Т. 2. – С. 236–239.
- Макарова Т.И.** Черное дело Древней Руси. – М.: Наука, 1986. – 153 с.
- Маршак Б.И.** Серебряные сосуды X–XI веков, их значение для периодизации искусства Ирана и Средней Азии // II Всесоюз. конф. по искусству и археологии Ирана: тез. докл. – М., 1973. – С. 87–90.
- Мурашко О.А., Кренке Н.А.** Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. По археологическим коллекциям Музея антропологии МГУ. – М.: Наука, 2001. – 155 с.
- Савельева Э.А.** Вымские могильники XI–XIV вв. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1987. – 200 с.
- Семенова В.И.** Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 295 с.
- Советова О.С.** Петроглифы тагарской эпохи на Енисее (сюжеты и образы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 137 с.
- Соловьев А.И.** Оружие и доспехи. Сибирское вооружение от каменного века до средневековья. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2003. – 223 с.
- Соловьица Приобья.** – СПб.: Формика, 1996. – 227 с.
- Сокровища Приобья:** Западная Сибирь на торговых путях средневековья: Каталог выставки. – Салехард; СПб: [б.и.], 2003. – 96 с.
- Степи Евразии** в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – 300 с. – (Археология СССР).
- Сынские ханты** / под ред. А.В. Бауло. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 352 с.
- Тревер К.В., Луконин В.Г.** Сасанидское серебро. Художественная культура Ирана III–VIII веков. – М.: Искусство, 1987. – 155 с.
- Угорское наследие.** Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета / Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Федорова Н.В.** Торевтика Волжской Болгарии. Серебряные изделия X–XIV вв. из Зауральских коллекций / Тр. Камской археол.-этногр. экспедиции. – Пермь: Изд-во Перм. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. III. – С. 138–154.
- Шутова Н.И.** Удмурты XVI – первой половины XIX в. – Ижевск: Изд-во Удм. ин-та ист., языка, лит., 1992. – 262 с.
- Югорск.** От легенды до точки на карте. – Екатеринбург: Волот, 1997. – 160 с.
- Marschak B.** Silberschätze des Orients. Metallkunst des 3–13 Jahrhunderts und ihre Kontinuität. – Leipzig: VEB E.A. Seeman Verlag, 1986. – 438 S.
- Vikings.** The North Atlantic Saga. – Wash.; L.: Published by Smithsonian Institution Press, 2000. – 432 p.
- Die Wikingerzeit Gotlands.** Abbildungen der Grabfunde von Lena Thunmark-Nylen. – Stockholm: [s.n.], 1995. – 511 abb.

Материал поступил в редколлегию 26.04.10 г.